

DOI: 10.33184/dokbsu-2020.5.9

О полемике вокруг мистерии Д. Г. Байрона «Каин»

Е. Н. Михайленко

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: mikhaylenko71@bk.ru

Предмет внимания автора настоящей статьи – полемика вокруг мистерии Д. Г. Байрона «Каин» (1821), вызванная резким неприятием пьесы со стороны ряда представителей английского духовенства и истеблишмента. В статье приведены и проанализированы аргументы нескольких противников и сторонников мистерии, выступивших в публичной дискуссии под псевдонимами. Автор отмечает, что главными точками противостояния стали выраженные Байроном в мистерии сомнения в традиционном христианском объяснении происхождения зла в мире.

Ключевые слова: Байрон, Мильтон, Каин, мистерия, библейские мотивы.

Полемика вокруг мистерии Д. Г. Байрона «Каин» (1821) началась еще до ее выхода в свет. Издатель Байрона, Дж. Меррей, получив рукопись, выразил опасения и даже тревогу по поводу пьесы, способной оскорбить чувства верующих и совратить незрелые умы. Причина этих опасений заключалась прежде всего в том, что Меррей, а после публикации мистерии и большинство читателей, были абсолютно уверены, что претензии к Иегове и к созданному им миру исходят не от персонажей пьесы, а от самого поэта. Байрону так и не удалось убедить публику в обратном, несмотря на приводимые им аргументы: «Разве мои персонажи безбожнее, чем Сатана у Мильтона или Прометей у Эсхила? <...> Прошу заметить, что я не выражаю здесь моего личного символа веры; но мне было необходимо, чтобы Каин и Люцифер говорили, как свойственно их природе – ведь в поэзии это всегда дозволялось» [2, с. 292] („Are these people more impious than Milton’s Satan? or the Prometheus of Æschylus?.. I beg leave to observe, that there is no creed nor personal hypothesis of mine in all this; but I was obliged to make Cain and Lucifer talk consistently, and surely this has always been permitted to poesy“. To Murray, November 3d, 1821 [7, с. 555]). Аудитория привычно отождествила автора и героев Байрона, как делала это последние десять лет, начиная с «Паломничества Чайльд-Гарольда», поразившего воображение европейцев.

Публикация «Каина» предсказуемо вызвала шквал негативных эмоций, переходящий в травлю Байрона. Одним из самых активных противников пьесы и ее автора стал

Oxoniensis; под этим псевдонимом, судя по всему, скрывался преподобный Х. Дж. Тодд (1763–1845), архидиакон Кливленда, выступивший с памфлетом, адресованным Дж. Меррею и названным „A remonstrance addressed to Mr. John Murray, respecting a recent publication“ (1822). Главным тезисом автора памфлета стало обвинение Байрона в некритическом усвоении самых спорных статей «Исторического и критического словаря» Пьера Бейля, а также в использовании заезженных и неоднократно опровергнутых софизмов относительно происхождения зла.

В ответ Байрон получил неожиданную публичную поддержку, и снова от анонима, подписавшегося на этот раз псевдонимом Harroviensis. Приблизительный перевод псевдонима – «выпускник Харроу», школы, которую перед поступлением в Кембридж закончил сам Байрон; таким образом, автором текста мог быть кто-то из его однокашников. Это было открытое письмо, адресованное сэру Вальтеру Скотту, которому мистерия была посвящена и который посвящение принял, письменно сообщив об этом Меррею в декабре 1821 г. Аноним защищал Байрона от недобросовестной критики и просто брани, используя те же доводы, что приводил сам поэт, только в развернутом виде. Сравнив речи Люцифера и мильтоновского Сатаны, он пришел к выводу, что если Байрона обвиняют в том, что он вложил в уста героев собственные мысли, тогда подстрекателем поэта можно считать Мильтона. И далее на десяти страницах следовали параллели между «Каином» и «Потерянным раем». Подводя итоги, автор письма утверждал вслед за самим Байроном, что личные религиозные взгляды поэта никак не связаны с предметом пьесы и не отразились в ней.

Один из наиболее показательных упреков Байрону со стороны его критиков содержится в открытом письме за подписью Philo-Milton, опубликованном в 1822 г. Письмо стало ответом на защиту «Каина», предпринятую Harroviensis'ом. Автор, оскорбленный тем, что адвокат скандальной пьесы прикрывается именем Мильтона, высказал свои соображения по этому поводу. Среди чисто эмоциональных доводов против сопоставления «Потерянного рая» и «Каина» были и вполне рациональные. Philo-Milton подверг сомнению оправдания Байрона, писавшего, что и Люцифер, и все прочие действующие лица мистерии – плод его воображения и он вправе распоряжаться ими по собственному усмотрению. Автор письма резонно заметил, что за персонажами любой мифологии, в особенности ветхозаветной, закреплены определенные смыслы, слишком устойчивые для того, чтобы можно было произвольно их изменять [5, с. 83–85].

Нам не удалось найти информации о чьих-либо ответных доводах в защиту мистерии (сам Байронист не стал участвовать в полемике), поэтому попробуем предположить, какими они могли бы быть. Действительно, этим обвинениям в ложно понятой свободе творчества есть что противопоставить. Во-первых, ровно те же претензии можно предъявить Мильтону, пересмотревшему – хотя бы и невольно – традиционное отношение к Сатане как олицетворению зла. Во-вторых, если бы искусство веками имело

дело с неизменяемыми, раз и навсегда данными мифологическими прототипами, оно не смогло бы развиваться. Еще греческие драматурги, создавая свои трагедии на мифологические сюжеты, переосмысливали мифы, и порой очень существенно. Аристотель в «Поэтике», теоретически обобщая художественный опыт драматургии, обосновал возможность свободного обращения с мифом: «Нельзя разрушать сказания, сохраненные преданием... [поэту] нужно уметь и самому делать находки, и преданием пользоваться искусно» [1, с. 660]. Разрушать сказания, по Аристотелю, означает искажать факты, зафиксированные в мифах. Под искусным их использованием подразумевается возможность изменять, например, мотивацию поступков персонажей по сравнению с исходным мифом. Одна из причин востребованности мифологии в искусстве и заключается в том, что она позволяет в известных пределах переосмысливать универсальные мифологические модели, наполняя их новым содержанием, актуальным и существенным для данного исторического момента. В-третьих, говоря о недопустимом произволе Байрона в обращении с библейской историей, «Philo-Milton» отождествил собственно текст Библии с общепринятым, санкционированным церковью, истолкованием ее эпизодов. Традиционную интерпретацию легенды Байрон, в самом деле, искажил, зато против текста Библии почти не погрешил, выстроив на основе лаконичной сюжетной схемы свою версию эпизода.

Одним из главных доводов в оправдание Бога у Мильтона является идея о способности Творца своей мудростью превращать зло в добро („Whose wisdom had ordain'd / good out of evil“, VII, 187–188 [8]). Последнее, по глубокому убеждению Мильтона, обнаруживает себя только в сопоставлении со злом. Таков один из лейтмотивов поэмы. Еще в своем трактате «Ареопагитика» Милтон писал о диалектическом единстве добра и зла, которые немислимы одно без другого и только в сопоставлении друг с другом выявляют свое качество: «Добро и Зло... произрастают вместе и почти нераздельно... Добродетель, которая по-детски незнакома со злом... и просто отвергает его, есть пустая добродетель» [3, с. 91–92].

Байрон, в который уже раз полемизируя со своим великим предшественником, приводит в мистерии образец трансформации зла в добро, но истолковывает и оценивает ее иначе. Каин в беседе с Люцифером вспоминает, как Адам на его глазах вылечил ягненка от смертельного укуса змеи, сопровождая свои действия словами: «Смотри, мой сын, <...> как зло / Родит добро» („Behold, my son! <...> how from evil / Springs good!“ [4, с. 614]). Каин тогда ничего не ответил отцу, но подумал, что «лучше бы ягненку / Со всем не быть ужаленным змеею» („twere / A better portion for the animal / Never to have been stung at all“ [4, с. 614]).

Этот эффектный, но двусмысленный аргумент Байрон, по всей вероятности, как раз и позаимствовал из «Исторического и критического словаря» Пьера Бейля, которым зачитывался с юности и который утвердил поэта в его скептицизме. Ответ Каина можно

перефразировать и свести к следующей формуле: лучше бы злу совсем не быть. Двусмысленность этой формулы заключается в том, что она может быть истолкована как свидетельство поверхностности и инфантильности автора в том смысле, что будто бы Байрон, подобно капризному ребенку, требует, чтобы ему подали добро в чистом виде. Если точнее, упрекнуть Иегову за существование зла в созданном им мире мог бы обитатель еще не заселенного мира, не искушенный в диалектике, но никак не человек XIX столетия.

Однако реплику Каина можно истолковать и иначе. Едва ли Байрон мог всерьез считать, что возможен, пусть даже теоретически, мир без зла, и что такой мир был бы лучше, чем существующий. По-видимому, аргумент Каина направлен против Иеговы как общепринятого воплощения добра, и логика бунтаря была, очевидно, следующей: пусть рано или поздно восторжествует принцип добра, но сколько страданий тем временем испытают живые существа! Может быть, эти страдания запланированы божеством как необходимое условие конечной победы добра, но тогда надо называть вещи своими именами. «Странное благо, которое должно возникнуть из своей противоположности» („Strange good, that must arise from out its deadly opposite“ [4, с. 614]), – замечает Каин.

Ожесточенная полемика вокруг мистерии утихла довольно быстро, но в 1830 году в свет вышел объемный и основательный труд Х. Гранта под названием «„Каин“ лорда Байрона, мистерия, с примечаниями». Объектом внимания автора, профессионального адвоката, стали «дела и речи Каина и Люцифера с той же серьезностью, как если бы они были существовавшими и земными персонами» ("the proceedings and speeches of Cain and Lucifer with the same earnestness as if they were existing and earthly personages" [6, с. xvi]). В одном из эссе, посвященных «Каину», Т. Г. Стеффан, профессор английской литературы Техасского университета в Остине, подробно и не без иронии проанализировал работу Гранта, охарактеризовав ее как одну из самых громоздких и извращающих суть дела полемических книг, когда либо направленных против пьес или поэм Байрона [9, с. 424]. Главной причиной искажения восприятия Стеффан назвал кальвинистскую доктрину, сквозь призму которой Грант рассматривал мистирию Байрона. Запоздалая критика Гранта предсказуемо не получила громкого отклика: баталии вокруг мистерии закончились восемь лет назад, и уже шесть лет как не было в живых самого возмутителя спокойствия.

Уже к середине XIX столетия подобные споры вокруг литературного произведения в Англии едва ли были возможны в силу необратимых изменений в картине мира, связанных в том числе с десакрализацией религиозного мифа в условиях нарастающей рационализации бытия.

Литература

1. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Том 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.

2. Байрон Д. Г. Дневники. Письма. М.: Наука, 1965. 439 с.
3. Чамеев А. А. Джон Мильтон и его поэма «Потерянный рай». Л.: Издательство ЛГУ, 1986. 126 с.
4. The Complete Works of Lord Byron in 4 vol. Vol. 4. Paris. Baudry's European Library, 1833. P.970.
5. S. C. Chew. Byron in England. His Fame and After-fame. L., 1924. P.415.
6. H. Grant. Lord Byron's Cain, a mystery, with notes. London. William Crofts, 1830. P.432.
7. Letters and Journals of Lord Byron. URL: <https://www.lordbyron.org/monograph.php?doc=ThMoore.1830&select=AD1821>
8. J. Milton. Paradise Lost. URL: https://www.dartmouth.edu/~milton/reading_room/pl/book_7/text.shtml
9. T. G. Steffan. Lord Byron's Cain: Twelve essays and a text with variants and annotations. University of Texas Press, 2014. P. 528.

Статья рекомендована к печати кафедрой русской, зарубежной литературы и издательского дела БашГУ (д.ф.н., проф. Ишимбаева Г. Г.)

On the discussions around D. G. Byron's mystery "Cain"

E. N. Mikhaylenko

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: mikhaylenko71@bk.ru

The subject of the author's attention is the controversy around the mystery of D. G. Byron "Cain" (1821), caused by the sharp rejection of the play by a number of representatives of the English clergy and the establishment. The article presents and analyzes the arguments of several opponents and supporters of the mystery, who spoke in the public discussion under pseudonyms. The author notes that the main points of the confrontation are doubts in the traditional Christian explanation of the origin of evil in the world which were expressed by Byron in the mystery.

Keywords: Byron, Milton, Cain, mystery, biblical motive.